

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.kexs-2d58

Н. А. НЕЧАЕВА, О. Н. БУРМЫКИНА

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. И. ГОЛОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ, БРАКА И МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена теоретическому и эмпирическому наследию С. И. Голода — одного из признанных исследователей проблем семьи, брака и сексуальных отношений в отечественной социологии. Авторы стремились показать, что идеи Голода об эволюции семейных отношений, исторических типах семьи, возрастании роли интимности в супружеских и межпоколенных отношениях актуальны в настоящее время и находят прямое отражение в работах современных авторов.

Ключевые слова: Сергей Исаевич Голод, эволюционный подход, исторические типы семьи, семья, брак, межпоколенные отношения, супружество, интимность.

NECHAEVA NATALIA A., BURMYKINA OLGA N.

THEORETICAL HERITAGE OF S. I. GOLOD AND MODERN STUDIES OF FAMILY, MARRIAGE AND INTERGENERATIONAL RELATIONSHIP

The article examines theoretical and empirical heritage of one the recognized researchers of family, marriage and sexual issues in Russian sociology — S. I. Golod. The authors strove to show that Golod's ideas about family relationship evolution, historical family types and the increasing role of intimacy in marital and intergenerational relationships are relevant today and are directly reflecte in the works of modern authors.

Keywords: Sergey Isaevich Golod, evolutionary approach, historical types of family, family, marriage, intergenerational relations, marriage, intimacy.

Сергей Исаевич Голод (1935–2013 гг.) — российский социолог, один из признанных исследователей, внесший значительный вклад в развитие отечественной социологии семьи, социологии сексуальности и гендерных отношений. Разработанная им концепция исторических типов семейных отношений является одной из ведущих в теоретических и эмпирических исследованиях семьи. С. И. Голод — один из первых отечественных исследователей сексуальности. Фундаментальный процесс, приведший к переосмыслению значимости сексуальности, — автономизация брачности, сексуальности и прокреации. С. И. Голодом проанализирована эволюция сексуальных отношений в стране на протяжении XX века; выявлены предпосылки и раскрыто содержание двух (20-х и 80-х годов) российских сексуальных революций; рассмотрены идеалы, нормы и представления о принятом и непринятом в сексуальном поведении. В опоре на данные уникальных социологических опросов реконструирована динамика изменений сексуального поведения и сексуальной морали в России.

По мнению С. И. Голода, «цель социальной теории заключается не столько в том, чтобы интерпретировать факты, сколько в том, чтобы создать базу для прогнозов более убедительных, чем простая экстраполяция ранее наблюдаемых эмпирических закономерностей на грядущее» (Голод 1998: 222). Цель данной статьи авторы видели в том, чтобы показать, насколько актуальны сегодня концептуальные идеи С. И. Голода и оказались ли они убедительной базой для объяснения современных эмпирических фактов, наблюдаемых в семейной сфере.

Семья и брак

Одной из центральных тем, на которой было сосредоточено внимание С. И. Голода, является *семья*, которую он понимал «как совокупность индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» (Голод 2015: 100). Рассматривая проблемы семьи, Голод подчеркивал, что кардинальные изменения, которые происходят с этим институтом, с одной стороны, вызваны общественными трансформациями, а с другой — обусловлены их собственными имманентными закономерностями. Именно с этих позиций он интерпретировал различные перемены в семейно-брачных отношениях. Иными словами, нахождение эволюционных закономерностей, то есть эволюционный подход являлся тем фундаментом, на котором строились теоретические построения

ученого; той призмой, через которую он смотрел на изменения, происходящие в сферах семьи и брака.

Исходя из этой позиции, С. И. Голод полагал, что «трудно согласиться с преимущественно негативной оценкой... современного состояния семьи» и не поддерживал взгляды тех авторов, которые, как он писал, напрямую связывают «глобальные социальные изменения... с “расшатыванием” семейных устоев» (Голод 1998: 4). По словам ученого, «на протяжении всего текущего века в научной литературе ссылаются на одни и те же социальные факторы, лежащие на поверхности: увеличивается число одиноких мужчин и женщин, растет количество разводов, снижается уровень рождаемости, становится больше “неполных семей”, интенсифицируются внебрачные сексуальные связи и т. п.» (Голод 1998: 49–50). Стоит заметить, что подобные ссылки множатся и в течение двадцати с лишним лет, которые прошли со времени написания этих слов. Однако когда они выступают лишь в роли показателей кризиса семьи, это ничего не объясняет в сути перемен. Если одни специалисты видят за этими фактами проявление кризисных явлений и призывают вернуться к традиционным ценностям, то другие делают акцент на отрицании идеализации семейных отношений в традиционной семье и считают, что «...самым большим мифом, к тому же самым распространенным, имеющим хождение и по сей день, является то, что существовал золотой век семьи, безупречное блаженство домашнего быта... Сегодняшняя версия мифа связана с утверждениями об упадке института семьи по сравнению с тем, что было в прошлом. Суждение выдают за реальный факт, несмотря на то что в основе лежит не более чем ощущение» (Фландерс 2016: 205–206). Такой же точки зрения придерживаются Э. Гидденс и Ф. Саттон, подчеркивая, что стабильность семей Викторианской эпохи была кажущейся: из-за высокой смертности средняя продолжительность брака была меньше 12 лет; больше половины детей теряли одного или обоих родителей; детей физически наказывали; широко был распространен детский труд; большая часть замужних женщин среднего класса была привязана к дому, мужчины же регулярно посещали бордели. Авторы приходят к выводу о том, что «все идеи предыдущего “золотого века” семейной жизни, когда дети росли в стабильных гармоничных семьях, оказались совершенно несостоятельными» (Гидденс, Саттон 2018: 197).

Обозревая мировые количественные данные, Дж. Риббенс Маккарти и Р. Эдвардс пишут, что «в целом ряде обществ Европы и Нового Света изменения семьи очевидны, в том числе падение уровня брачности, увеличение возраста вступления в брак и деторождения, уменьшение

размера семьи и домохозяйства, рост уровня разводов, отделение брака от деторождения, рост доли домохозяйств, состоящих из одиноких матерей, и уменьшение количества многопоколенных домохозяйств» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 105). Обобщая широкие мировые дебаты, эти авторы приводят три основные интерпретации данных изменений:

- «...произошли большие перемены, и это плохо (распад семьи и потеря широкой сети семейной поддержки вызывают нестабильность и беспорядок);
- произошли большие перемены, и это очень хорошо (люди могут свободно развивать индивидуальные стили жизни);
- имеют место и преемственность, и изменения (моральная панника по поводу изменения семьи повторяет те же сюжеты, что и в прошлом...» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 105).

Голод не ограничивался фактами «лежащими на поверхности» и не опровергал их, поскольку они действительно имеют место быть, причем в большом количестве стран. Несомненной же его заслугой является то, что он не ограничивался оценочными суждениями «хорошо» или «плохо», а стремился увидеть суть происходящих трансформаций и объяснить их, вписав в общую теоретическую концепцию проявления закономерных эволюционных изменений институтов семьи и брака.

Об эволюции семейных отношений писали и раньше (Ф. Энгельс, Г. Спенсер), Голод стремился продолжить эту «эволюционную линию» и показать, как одни типы семьи приходят на смену другим; под влиянием каких факторов протекают данные процессы, сумев применить этот подход к современным общественным условиям не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне.

Определяя семью через различные виды отношений (кровного родства, порождения и свойства), Голод исходил из логики, согласно которой «доминирование одного из названных отношений и его характер (упрощенно говоря, от крайней формы половозрастной зависимости до соответствующей автономии) могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии» (Голод 2015: 100). Положив эти критерии в основу образования идеальных типов, он выделил патриархальный (традиционный), детоцентристский (современный) и супружеский (постсовременный) типы семьи. Сам автор типологии отмечал, что идея была встречена исследователями неоднозначно. «Одни специалисты (А. Антонов, В. Борисов, А. Синельников) подвергли ее, мягко говоря, критике; другие (М. Арутюнян, Т. Гурко, Г. Заикина, Н. Малярова), ориентированные, по сути, на западные

социально-психологические теории — разглядели в ней определенный эвристический принцип» (Голод 2015: 99). Десятилетия, прошедшие с начала 80-х годов, когда данная типология увидела свет, убедительно продемонстрировали поддержку этой, второй, точки зрения — идеальные типы Голода не только прочно вошли в обиход науки, но и проторили дорогу исследованиям различных моделей семьи.

Одной из основополагающих характеристик социальной эволюции Т. Парсонс, Р. Белла считали возрастающую дифференциацию общества, его социальных институтов. Р. Белла полагал, что «эволюция — это процесс возрастания дифференциации и усложнения организации, который обеспечивает организму, социальной системе или любому иному рассматриваемому образованию большую способность приспособления к среде, что в известном смысле делает их более автономными по отношению к своему окружению, чем были их менее сложные предки... Это не означает, что эволюция носит неизбежный характер или что более простые формы неизбежно должны исчезнуть» (Bellah 1964: 358. Цит. по: *Осипова Н. Г.* Современная социологическая теория. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020). Важным показателем эволюционных изменений в институтах семьи и брака являются как все увеличивающаяся дифференциация типов и моделей, так и их одновременное существование в современном обществе.

Возникновению последнего из предложенных С. И. Голодом типов — супружеской (постсовременной) семьи, согласно его мнению, способствовали два направления эмансипации — освобождение детей от родителей и женщин от мужчин. В этом типе семьи супружеские отношения определяются свойством, а не родством (как в патриархальной семье) и не порождением (как в детоцентристской); отношения супругов представляют собой своеобразную кооперацию, в основе которой лежит глубокое личностное взаимодействие (Голод 1998: 174, 178, 179). По сравнению со столетиями господства патриархальной семьи ко времени возникновения супружеской в значительной мере пали экономические и юридические семейные оковы — в первую очередь для женщин. Тип семьи начинают определять другие факторы, которые в большей или меньшей степени существовали в семейных отношениях и ранее, но оставались в тени, только теперь они выходят на первый план. Одним из важнейших среди них является интимность, понимаемая как высокий уровень близости мужа и жены, созвучие их экзистенциальных ценностей (Голод 1998: 141). Эмпирически интимность была представлена в виде совокупного показателя, построенного на основе

четырёх индикаторов — симпатии, расположенности, признательности и эротической привязанности (Голод 1998: 141).

Описывая свой теоретический подход и эмпирические данные, С. И. Голод сетовал, что отечественные исследования интимности находятся в зачаточном состоянии, в то время как они уже развиваются за рубежом.

Действительно, английские социологи подчеркивают, что понятие близости (Intimacy) «стало играть важную роль в дискурсе западных социальных наук лишь в конце XX в. под влиянием представлений о разнообразии и изменениях в семейной жизни. Интерес к внутреннему эмоциональному качеству отношений был охарактеризован как “интимный переворот” в семейных исследованиях» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 39). По мнению этих авторов, «близость считается отныне строящейся вокруг стремления и переговоров по поводу чистых отношений, свободных от уз традиции, необходимости и обязанностей, и основанных на удовлетворении личных потребностей. С этой точки зрения, чистые отношения, основанные на самореализации, взаимном доверии и переговорах, рассматриваются как существующие ради самих себя...» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 40).

Проводимые в настоящее время отечественные исследования демонстрируют, что и в нашей стране для значительной части молодежи во главу угла семьи и брака ставится такая близость. Так, по данным исследования, которое было проведено в МГУ им. М. В. Ломоносова, главными семейными ценностями являются забота супругов друг о друге, взаимоуважение, поддержка (70% ответов), любовь (66%), эмоционально-психологический комфорт (61%), доверие, сходство во взглядах, взаимопонимание (55%) (Осипова 2020).

В 2017 г. нами был проведен опрос студенческой молодежи Санкт-Петербурга, одной из задач которого являлось установление того, что означает брак для молодых, какой смысл прежде всего они вкладывают в это понятие. Для нас было важно, чтобы содержание закрытых вопросов не оказало влияния на ответы респондентов, поэтому данный вопрос был открытым и использовался в начале анкеты. На него ответили почти все участники исследования (98%). Обобщенный образ брака в сознании молодых оказался представленным 12 основными смысловыми аспектами (категориями). Из них первые три ранговых места заняли глубокое взаимопонимание и доверие; симпатия и любовь; поддержка и взаимопомощь. Иными словами, брак для молодых в настоящее время ассоциируется прежде всего с тем, что в интерпретации С. И. Голода называется интимностью, глубокой близостью отношения

супругов. В целом же в ответах студентов преобладают положительные коннотации; совсем небольшое количество молодых (5%) считают брак устаревшей традицией.

Это подтверждается и ответами на другие вопросы. Чтобы выяснить, насколько в настоящее время брак значим для молодежи, мы фиксировали, какие взгляды на важность вступления в брак, по мнению молодых, преобладают в обществе в целом, в семье, среди друзей, и что об этом думают они сами. В целом оказалось, что для большинства молодежи в настоящее время значимость брака велика, хотя выявлены существенные различия по двум критериям — в зависимости от того, о какой общности идет речь и от того, оценивается ли важность брака для девушек или для юношей. Разрыв оказался особенно большим на уровне общества в целом: студенты полагают, что здесь доминирует мнение, согласно которому женщине очень важно выйти замуж (91%), мужчине значительно менее важно жениться (лишь 23%). Несколько меньшие гендерные различия наблюдаются в позиции друзей — соответственно 70% и 29%. Однако с точки зрения семьи (77% и 69%) и самой молодежи (82% и 63%), эта дифференциация существенно сокращается. Иными словами, по показателю гендерных различий важности вступления в брак семья (в глазах которой эти различия составляют лишь 8%) «противостоит» обществу в целом, где они, по мнению студентов, чрезвычайно велики (68%). Таким образом, большинство участников исследования считает, что несмотря на существование стереотипа «женщине значительно важнее выйти замуж, чем мужчине жениться», и для девушек, и для юношей важно вступить в брак; родители эту точку зрения поддерживают (Нечаева 2018).

Итак, среди молодежи преобладает мнение о жизненной значимости брака, в основе которого лежит высокая близость супругов. Однако будучи важным, брак теряет еще одну из своих характеристик, ранее считавшуюся его неотъемлемой чертой. С. И. Голод полагал, что институциональные аспекты брака станут менее значимы, а это в свою очередь будет способствовать увеличению числа сожительства. Данные нашего исследования подтверждают это положение. Хотя участники опроса продемонстрировали установку на прочность и долговременность заключаемого союза, в их глазах более важное значение имеет его неформальная сторона: лишь 12% сообщили, что отношения необходимо зарегистрировать. Большинство же (70%) убеждено, что официально оформлять отношения никакой необходимости нет.

В своих исследованиях С. И. Голод стремился избегать утверждений, не имеющих надежного фактического обоснования, очень внимательно

относился к разнообразным жизненным проявлениям, свидетельствующим об изменении семейно-брачных отношений. Он сетовал на «бедность социологической информации о механизмах и путях формирования брака», утверждая, что «исследователи мало обращали внимания на те или иные детали, ограничиваясь абстрактными рассуждениями и поисками общих закономерностей» (Голод 1998: 61). Именно разнообразные «детали» в своей совокупности нередко способствуют раскрытию общих закономерностей трансформаций. Например, в данном случае условия ситуации оказывают крайне существенное влияние на мнение о необходимости юридического оформления отношений. Широко известно, что важным среди них является ожидание ребенка. Это подтверждается и данными нашего исследования: для 70% юношей и девушек имеет значение, появится он в зарегистрированном браке или нет. Однако если на этом факте остановиться и рассматривать его изолированно, без учета разнообразных дополнительных «деталей», то картина реальности будет искаженной. Существуют факторы, значительно уменьшающие количество тех, кто готов заключить официальный брак при рождении ребенка. По мнению 59% молодых, необходимо, чтобы пару связывало чувство, в ней существовала настоящая близость, а если этого нет, то несмотря на рождение сына или дочери, не стоит прибегать к юридическому оформлению отношений. Только 25% участников исследования (а совсем не 70%) убеждены, что ожидание малыша само по себе является достаточным основанием для вступления в законный брак, даже если близости и чувств друг к другу нет.

Таким образом, брачные отношения продолжают медленно, но неуклонно трансформироваться. Разные, казавшиеся прежде незыблемыми, черты наполняются новым содержанием или исчезают вовсе. Явно теряет свою распространенность традиционно основополагающий аспект брака — юридический. Для регистрации отношений не должно абсолютизироваться и появление детей — это фактор важный, но не решающий. Все большей ценностью становятся близкие, доверительные отношения — интимность. И в этом С. И. Голод был прав.

Другой важный аспект современного брака — рост числа разводов — он так же не причислял к проявлению кризиса семьи, подходя к этому явлению совсем «с другой стороны» — в логике происходящих эволюционных трансформаций. Изменения в структуре этого института в большей или меньшей степени связаны между собой. Если во главе угла супружеской семьи лежат «чистые отношения», в основе которых самореализация, взаимное доверие и которые существуют ради самих себя, то при исчезновении этих отношений брак утрачивает смысл.

Конечно, в каждой конкретной живой ситуации могут быть дополнительные условия, исключающие расторжение брака (традиционные установки супругов на брак, боязнь неполной семьи, материальные соображения и т. п.), однако рост числа разводов явно свидетельствует о том, что люди все больше преодолевают эти «условия», если в их браке нет настоящей близости.

Вместе с тем в настоящее время мнения молодых о необходимости развода не столь единодушны, как об отказе от регистрации брака. По нашим данным поляризация мнений достаточно высока. Если брак был уже заключен, а близки отношения, любви больше нет, то 40% юношей и девушек считают, что ради детей его следует сохранять. Почти столько же студентов (35%) убеждены в обратном — необходим развод.

Наши данные согласуются с результатами зарубежных исследований. Д. Твенге описывает основные черты американского поколения айдженеров — тех, кто родился в промежутке между 1995 и 2012 гг., (в нашем исследовании опрашивались родившиеся между 1993 и 2000 гг.). Автор подчеркивает, что для этого поколения брачные отношения продолжают терять свой институциональный характер. «Американцы не просто не спешат вступать в брак; многие вообще не собираются официально регистрировать отношения, причем исторический минимум по числу заключаемых браков был достигнут уже в 2010-х годах»; в то же время «большинство айдженеров мечтают о серьезных отношениях, а не случайном сексе. Сразу два недавних исследования показали, что трое из четырех студентов и студенток хотели бы иметь близкие, наполненные любовью отношения...» (Твенге 2019: 282; 278).

В свое время Голод считал, что подобные явления должны «рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи» (Голод 1998). Неуклонно продолжающиеся эти и новые «существенные и необратимые эволюционные сдвиги» в семейно-брачных отношениях нуждаются в дальнейшем эмпирическом изучении и теоретической интерпретации. Всесторонне исследованная проблема американского общества заключается в том, что мечты современного поколения о глубоких и близких отношениях для очень многих остаются мечтами. Парадоксально, но в реальной жизни айдженеры стараются «не заразиться» чувствами. «Catching feelings (от англ. to catch feelings — заразиться чувствами, словить чувства), что на языке современной молодежи означает постепенное развитие эмоциональной привязанности к партнеру. Весьма ёмкое и образное выражение, намекающее на сходство любви с опасным инфекционным заболеванием, которого следует всячески избегать» (Твенге 2019: 276).

Это связано и с другими чертами упомянутого поколения, представители которого слишком сконцентрированы на собственной безопасности, лишены многих социальных навыков, среди них много одиноких, они вживую реже общаются с друзьями, чаще живут с родителями, а не с супругом или сожителем. А в результате всего этого все больше «выпадают из сложной системы межличностных отношений...» (Твенге 2019: 284).

Насколько подобные парадоксы свойственны молодежи в нашей стране, каковы ее не только ценностные предпочтения, но и реальное межличностное и семейно-брачное поведение и проблемы в этих сферах — все это актуальные вопросы, ответы на которые являются задачами отечественной социологии. Возрастающее внимание к чертам молодого поколения служит залогом решения этих задач. Предпринятая В. Радаевым «попытка первого систематического знакомства с поколением миллениалов» выявила, что его представители откладывают взросление — позже начинают сексуальную жизнь, вступают в брак и создают семью, откладывают и рождение детей (Радаев 2020: 68–71). Это очень важные, но первые шаги. Самого автора справедливо «не покидает ощущение постоянного отставания (к сожалению, столь характерного для социальных наук): мы еще не успели толком понять изменения, сопряженные с приходом поколения миллениалов, а уже вплотную подступает новое поколение Z (центиниалы). И нам пророчат по меньшей мере новую революцию» (Радаев 2020: 211). Какая семья придет на смену супружеской в результате этой революции, какие трансформации будет при этом претерпевать брак — все это должны показать дальнейшие исследования, опирающиеся, с нашей точки зрения, на эволюционное понимание изменений института семьи в духе С. И. Голода, а не на восприятие этих процессов как «вечного кризиса».

Межпоколенные семейные отношения

Теоретическое наследие С. И. Голода оказало большое влияние практически на весь спектр семейной проблематики, в частности и на проблемы отношений между разными поколениями семьи. И хотя исследование межпоколенных семейных отношений находилось скорее на периферии его внимания, тем не менее Голод подчеркивал их значимость и новый смысл в связи с интенсификацией процесса нуклеаризации семей, в ходе которого сохраняются социально и психологически важные связи с другими родственными (родительскими) семьями. В основу классификации детоцентристских моделей семьи был положен характер межпоколенных отношений, критерием которого

выступала мера эмансипации детей от родителей, переход от монологического к диалогическому принципу отношений между поколениями.

Теоретические построения С. И. Голода, а именно: **идея о «релятивизации» современной нормативности**, в большей мере учитывающая личностное своеобразие человека, и указанная выше **идея о растущей значимости интимности**, эмоциональной привязанности, автономии и ценности каждого члена семьи — оказали влияние на современные исследования межпоколенных семейных отношений. «Релятивизация» нормативности рассматривается как необратимый эволюционный шаг в трансформации семейной сферы.

Гибкость, «релятивизация» современной нормативности прослеживается уже в определении семьи как совокупности индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из отношений: кровного родства, порождения, свойства. Это определение подчеркивает структурную направленность, обнаруживает скорее гибкость, ненавязчивость нормативной системы. Доминирование одного из этих отношений и его характер могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. Причем по мере прохождения этих этапов и возникающих на их основе типов семьи — патриархального, детоцентристского и супружеского — относительность нормативности возрастает. «С социологической точки зрения обнаруживается **неоднозначность, гибкость нормативной системы**. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием. Не воспринимаются маргинальными дети, рожденные вне брака. Словом, **современная нормативность, оставаясь общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная**» (Голод 1998: 60–61). Следствием подобного состояния является нарастание процесса многообразия в организации семейной и частной жизни в целом, социальная приемлемость нетрадиционных форм семейной жизни в частности.

Влияние идеи релятивизации современной нормативности проявилось в разных аспектах исследований семьи и межпоколенных отношений. Так, при очерчивании **границ семьи** (определении круга лиц, которых включают в состав и которых считают членами семьи) оказывается, что прежняя норма относительно жесткости границ семьи, куда включались только члены нуклеарной семьи, живущие вместе и ведущие общее хозяйство, «размывается», становится относительной. Исследования представлений молодого поколения о значимых членах семьи показали, что за десятилетний период (2007–2017 гг.)

доля в составе семьи только кровных родственников значительно уменьшилась (с 73 до 52%), а доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанных узами крови и родства, значительно возросла (с 27% до 48%) (Бурмыкина 2018: 37–38).

Взаимопомощь разных поколений членов семьи сохранила свои традиционные черты: она принята в большинстве семей и, по сути, является нормой. Семейный долг и обязанности разных поколений членов семьи — не пустые слова. Исследования (как общероссийские, так петербургские) показывают: «долговые обязательства» взрослых детей по отношению к родителям безусловны и более жесткие — независимо ни от каких обстоятельств и жизненных ситуаций они должны помогать своим родителям, брать на себя ответственность за заботу о них (Корчагина, Прокофьева 2007, 2009, 2013; Бурмыкина 2017). Казалось бы, это незыблемая норма. Однако, признавая моральный долг перед старшим поколением семьи, младшее поколение не всегда готово поступиться собственными материальными и профессиональными интересами. Две трети молодых людей полагают, что даже при ограниченных возможностях следует помогать деньгами родителям, треть — только при наличии таких возможностей. Каждый пятый респондент затруднился ответить на вопрос, должны ли взрослые дети быть готовыми изменить привычную жизнь, сменить работу, жить вместе, чтобы заботиться о престарелых родителях. Готовность остальных не столько единодушна, что говорит скорее о нежелании терять профессиональный статус и доходы, менять сложившийся уклад жизни (Бурмыкина 2017). Возрастает роль внешних факторов и конкретных ситуаций в межпоколенных контактах, что также свидетельствует о релятивизации нормативности.

Тенденции изменения еще одного аспекта межпоколенных семейных отношений наглядно показывают отход от традиционных норм. **Уход выросших детей из родительского дома** считался одним из маркеров взрослости. Самостоятельное, отдельное от родителей проживание членов семьи младшего поколения, получившего образование и «ставшего на ноги» в материальном плане, считалось нормой. Сегодня формируется новая социальная норма — позднее отделение от родительской семьи (возраст отделения передвинулся с 18–20 лет в старших поколениях до 23–25 лет и выше у современной молодежи) и жизнь с родителями после 30 лет (не считается крайностью не только поздний уход, но и возвращение молодых людей под семейный кров). Рост числа молодых (и не очень молодых) людей, живущих с родителями, наблюдается во многих

странах мира. И этот рост обусловлен не только экономическими причинами, связанными с недостаточностью финансовых ресурсов, потерей работы, разводом и прочими обстоятельствами. В 2014 г. американские исследователи, проанализировав официальную статистику, насчитывали почти 43% американских мужчин и 36% женщин в возрасте от 18 до 34 лет, продолжающих жить в родительском доме. Еще 15 лет назад таких в среднем было менее 30% (Карасюк 2015). По данным Европейского статистического агентства и служб статистики ряда стран, с конца 2000-х годов доля жителей Евросоюза 18–34 лет, живущих под родительской крышей, выросла на 3% — до 68%. Прирост обеспечили в основном граждане, преодолевшие 30-летний рубеж (Портнягина 2019). Наблюдаются не только различия по странам (чем южнее страна, тем сильнее в ней тренд на затянувшуюся жизнь взрослых детей и родителей), но и гендерная дифференциация: каждый третий европейский мужчина (35%) в возрасте 25–34 лет все еще живет со своими родителями. При этом женщин той же возрастной категории таких нашлось лишь 22% («В каком возрасте европейцы покидают родительский дом?»).

Этот общемировой тренд наблюдается и в России. В целом позднее отделение взрослых детей от родителей, наряду с поздним созданием семьи и вступлением в брак, началом сексуальной жизни, рождением детей, является одним из признаков указанного выше феномена «отложенного взросления» (Радаев 2020: 68–72). Казалось бы, в настоящее время по сравнению с советским периодом возможностей для отделения стало больше, по крайней мере, появился рынок жилья, но даже если финансовые средства позволяют купить или арендовать собственное жилье, молодые люди продолжают жить с родителями. Такое замедленное взросление, по мнению исследователей, детерминировано не только демографическими причинами (увеличение продолжительности жизни ведет к сдвигу всех этапов жизненного цикла) и изменением образа жизни, увеличением периода социализации молодого поколения, но и ростом возможностей для активного поиска и экспериментирования. И этот период экспериментирования становится все более длинным (Радаев 2020).

Позднее отделение от родительской семьи и совместное проживание взрослых детей со своими родителями в зрелые годы, столь характерное для поколения миллениалов, проецируется и на следующее поколение, поколение Z (центиниалов). По данным исследования Левада-Центра «“Поколение Z”: Молодежь времени путинского правления», проведенного в мае–июне 2019 г. по репрезентативной

выборке (N= 1500 респондентов) молодого населения России в возрасте 14–29 лет, две трети (61%) опрошенных живут вместе с родителями, еще 10% снимают жилье (квартиру или комнату), чуть меньше (9%) уже смогли приобрести собственное жилье (с помощью родителей или сами; как правило, это люди старшего возраста). Количество людей, живущих с родителями, постепенно снижается с возрастом: в самой младшей возрастной когорте 14–17-летних — 88%, 18–24-летних — 61%, но даже к 30 годам (старшая когорта 25–29-летних) 37% опрошенных все еще живут с родителями. На вопрос, почему они живут с родителями, 45% опрошенных ответили, что причина кроется в том, что это самое простое и комфортное решение, 37% — потому что у них нет средств на собственное жилье («Поколение Z» ... 2020: 83–84).

Растущая значимость интимности, эмоциональной привязанности, автономии и ценности каждого члена семьи позиционировались С. И. Голодом в первую очередь как супружеские и родительские ценности, как факторы стабилизации семьи. Но само понятие интимности, рассматриваемое в более широком контексте как симпатия, расположенность, признательность, эмоциональная близость, эротическая привязанность и не употребляемое лишь в качестве эвфемизма сексуальности, проецировалось не только на брак и секс, но и на родство, на межпоколенные отношения. Данная трактовка этого понятия соответствует современным социологическим представлениям о практиках интимности, включающим в себя исследование поведения людей в семьях, взаимоотношений в супружеских парах, между родителями и детьми, сексуальных отношений и дружбы или любых других особо тесных связей (Jamieson 1998; Гидденс 2004).

Рассматривая детоцентристский тип семьи, С. И. Голод отмечает, что эффективность социализации детей во многом связана с сохранением и развитием на всех возрастных стадиях, с одной стороны, **межпоколенной интимности**, а с другой — определенной **нравственно-психологической дистанции** между родителями и детьми. «Эта связка квазипротивоположных состояний есть не что иное, как проекция супружеских ценностей. Точнее говоря, отношения родители–дети стали опираться на те же базовые ценности, что и связь муж–жена» (Голод 1998: 158).

Заложенный **принцип диалогичности отношений между поколениями** проявился в симметрии и взаимозависимости межпоколенных отношений. Изучение взаимоотношений петербургских студентов с их родителями показало, что они строятся на основе взаимности или реципрокности. Анализ динамики этих взаимодействий свидетельствует

о сохранении тенденции к симметрии и эквивалентности. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимодействий остается их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастает. Особенно это отразилось на взаимодействиях с отцами. Межпоколенческие взаимодействия в семье все в большей мере начинают основываться на эмоциональной коммуникации, нежели на экономическом обмене, хотя значимость последнего остается достаточно высокой (Бурмыкина 2018). Сохранение и даже возрастание эмоциональной направленности всех семейных контактов говорит о **межпоколенной интимности**, понимаемой как симпатия, расположенность, признательность, практическая забота, эмоциональная привязанность и поддержка. Ее растущая значимость, по-видимому, связана с тем, она является практически неотчуждаемой функцией современной семьи, которую невозможно передать другим социальным институтам.

С. И. Голод оставил богатое творческое наследие. Его научный подход к исследованию проблем семьи, гендера и сексуальности позволил получить картину реально складывающегося семейного контекста, уйти от существующих стереотипов и предрассудков. Выдвинутые им идеи нашли развитие в современных исследованиях и до сих пор являются актуальными. Существенные, необратимые эволюционные сдвиги развития семьи и межпоколенных отношений продолжают и нуждаются в дальнейшем эмпирическом изучении и теоретической интерпретации.

Источники

Бурмыкина О. Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // Петербургская социология сегодня. — 2017. — Вып. 8. — С. 150–159.

Бурмыкина О. Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. — 2018. — Вып. 9. — С. 27–46.

В каком возрасте европейцы покидают родительский дом? // Коммерсант. — 2019. — 18 мая.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998. — 272 с.

Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. — 2015. — № 3–4. — С. 99–108.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. — М.: Издат. дом Высшей шк. экономики, 2018. — 336 с.

Карасюк Е. Не вовремя родились. Почему взрослые россияне живут с родителями? [Электронный ресурс] // Republic Magazine. — URL: <https://slon.ru/posts/60038> (дата обращения: 21.12.2020).

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сб. аналит. ст. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской; Независимый ин-т социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — С. 313–344.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналит. ст. Вып. 2 / Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой и О. В. Синявской; Независимый ин-т социальной политики. — М.: НИСП, 2009. — С. 247–264.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Межсемейные отношения // Народонаселение современной России: риски и возможности / Отв. ред. В. В. Локосов; Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. — М.: Экономическое обозрение, 2013. — С. 96–108.

Нечаева Н. А. Представления студенческой молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / Под ред. И. И. Елисейевой; Социологический ин-т ФНИСЦ РАН. — СПб.: Реноме, 2018. — С. 114–141.

Оситова Н. Г. Современная социологическая теория. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. — 432 с.

«Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2020. — № 1/2 (130). — С. 21–121. — URL: <https://www.levada.ru//cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (дата обращения: 21. 12.2020).

Портнягина М. Папа, мама и все еще я // Огонёк. — 2019. — № 2. — С. 4.

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. — М.: Издат. дом Высшей шк. экономики, 2020. — 224 с.

Риббенс Маккарти Дж., Эдвардс Р. Исследования семьи: основные понятия. — М.: Издат. дом Высшей шк. экономики, 2018. — 343 с.

Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. — М.: РИПОЛ классик, 2019. — 406 с.

Фландерс Дж. Сотворение дома. — М.: Центрполиграф, 2016. — 319 с.

Bellah R. Religious Evolution. — American Sociological Review. — Chicago, 1964. — Vol. 29. — P. 358.

Jamieson L. Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies. — Cambridge, Polity, 1998. — P. 209.

References

- Bellah R. Religious Evolution. *American Sociological Review*, Chicago, 1964, vol. 29, p. 358.
- Burmykina O. N. Mezhpokolennyy semeynyy kontrakt: predstavleniya molodogo pokoleniya [Intergenerational family contract: the views of young generation]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today], 2017, iss. 8, pp. 150–159. (In Russian)
- Burmykina O. N. Dinamika predstavleniy peterburgskikh studentov o sem'e i mezhpokolennykh otnocheniyah (2007–2017 gg.) [Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017)]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg sociology today], 2018, iss. 9, pp. 27–46. (In Russian)
- Flanders Dzh. *Sovorenie doma* [Creation of the house]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2016, 319 p. (In Russian)
- Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p. (In Russian)
- Golod S. I. Sovremennaya sem'ya: plyuralizm modeley [Modern family: pluralism of models]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2015, no. 3–4, pp. 99–108. (In Russian)
- Giddens E. *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. Saint Petersburg, Piter, 2004, 208 p. (In Russian)
- Giddens E., Sattou F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Basic concepts in sociology]. Moscow, Izdat. dom Vysshey shk. ekonomiki [The Higher School of Economics Publishing House], 2018, 336 p. (In Russian)
- Jamieson L. *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge, Polity, 1998.
- Karasyuk E. Ne vovremya rodilis'. Pochemu vzroslye rossiyane zhivut s roditel'nykh? [They were born at the wrong time. Why do Russian adults live with their parents?] *Republic Magazine*, 2015, November 21. URL: <https://slon.ru/posts/60038> (access date: 21.12.2020). (In Russian)
- Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Naselenie Rossii: o roli obshchestva i sem'i v podderzhke detey i prestarelykh [Population of Russia: on the role of society and family in supporting children and the elderly]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey. Vyp. 1* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of analytical articles, issue 1]. Ed. by T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2007, pp. 313–344. (In Russian)
- Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Rossiyane o roli obshchestva i sem'i v podderzhke detey i prestarelykh: izmeneniya poslednih let [Russians on the role of society and the family in supporting children and the elderly: changes in recent years]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey. Vyp. 2* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of analytical articles, issue 2]. Ed. by S. V. Zakharov, T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2009, pp. 247–264. (In Russian)
- Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Mezhsemeynye otnosheniya [Inter-family relations]. *Narodonaselenie sovremennoy Rossii: riski i vozmozhnosti* [Population of modern Russia: risks and opportunities]. Moscow, Ekonomicheskoe obozrenie, 2013, pp. 96–108. (In Russian)
- Nechaeva N. A. Predstavleniya studencheskoy molodezhi o gendernykh i semeyno-brachnykh otnocheniyah. [Representation of students youth about gender and family marriage relations]. *Novaya znachimost' sem'i i mezhpokolennykh otnosheniy dlya Rossii i Kitaya* [New importance of family and intergenerational relations for Russia and China]. Ed. by I. I. Eliseeva. Sotsiologicheskii in-t FNISTS RAN. Saint Petersburg, Renome, 2018, pp. 114–141. (In Russian)

Osipova N. G. *Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya* [Contemporary sociological theory]. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2020, 432 p. (In Russian)

«Pokolenie Z»: Molodezh' vremeni putinskogo pravleniya [«Generation Z». Young people of the Putin era]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 2020, no. 1–2 (130), pp. 21–121. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Portnyagina M. Papa, mama i vse eshche ya [Papa, Mama and still me]. *Ogoniok*, 2019, no. 2, p. 4. (In Russian)

Radaev V. Millenialy. *Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian society is changing]. Moscow, Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki [The Higher School of Economics Publishing House], 2020, 224 p. (In Russian)

Ribbens Makkarti Dzh., Edwards R. *Issledovaniya sem'i: osnovnye ponyatiya* [Family studies: basic concepts]. Moscow, Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki [The Higher School of Economics Publishing House], 2018, 343 p. (In Russian)

Tvenge D. *Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskiy duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym ko vzosloy zhizni* [Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit has become more tolerant, less happy and absolutely not ready for adult life]. Moscow, RIPOL klassik, 2019, 406 p. (In Russian)

V kakom vozraste evropeytsy pokidayut roditel'skiy dom? [At what age do Europeans leave their parents' home?] *Commersant*, 2019, May 18. (In Russian)

Нечаева Наталья Александровна, научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук.

Nechaeva Natalia A., Researcher, Sociological Institute
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences.
n_nechaeva@yahoo.com

Бурмыкина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Социологический институт РАН —
филиал Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук.

Burmykina Olga N., PhD in Sociology, Senior Researcher,
Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences.
o_burmykina@mail.ru